

ПЕРЕХОД ОТ ДИКТАТУРЫ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА СЛОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ ВОСПОМИНАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В АРГЕНТИНЕ, БРАЗИЛИИ И ЧИЛИ

В конце 1980-х и начале 1990-х демократические страны Южного конуса Америки, казалось, преодолели большинство проблем, унаследованных от военных режимов. Главными проблемами стали достижение стабильности, роста, укрепления места на мировых рынках. Роль государства ставилась под сомнение, а единственным регулятором признавалась невидимая сила рынка. Политика примирения была быстрой и поверхностной, чтобы отодвинуть на второй план требования справедливости и правды. Эта политика должна была стереть из памяти репрессии, исчезновения людей в Аргентине, Бразилии и Чили. Предлагалось забыть прошлое. Память стала полем борьбы. Но эта «битва памяти» не сводилась к борьбе за правду о недавнем прошлом, она неотделима от дебатов об обществе, которое мы стремимся построить. Переход от диктатуры, организованный на основе договорённостей с ней и её союзниками, создал механизмы организации коллективной памяти. Навязанный официальный неконфликтный нарратив вступил в противоречие с другими видами противостоящей ему памяти, прежде всего памяти жертв, но также и палачей.

Ключевые слова: диктатура, политический транзит, память, забвение, смирение.

Есть одно общее для Аргентины, Бразилии и Чили драматическое явление в представлениях о самом печальном периоде в истории этих стран. Когда военные режимы переживали подъем, успешной была их экономическая стратегия, шоковая терапия за счёт ухода государства из экономики, казалось, что все латиноамериканские общества закрывали глаза на то, что происходило в казармах, на пытки и убийства.

Как получилось, что коллективный цинизм, нежелание знать и участие перешло в то, что для одних стало признанием, а для других – новой западней памяти? Вопрос о памяти закрыт, или мы только вступаем в новую область споров? Предлагаем порассуждать здесь о том, что в течение последних четырёх десятилетий случилось с коллективной памятью, и что представляли собой процессы перехода к демократии в странах Южного конуса, что связывает их с требованиями справедливости.

Переходный период, спор о справедливости и памяти

Кажется, военные режимы Чили, Бразилии и Аргентины сделали все возможное, чтобы скрыть самую неприглядную часть своих действий. Однако, свидетельства остались, и по прошествии лет они были представлены обществу, которое не смогло укрыться в добровольном сне забвения. Сохранение памяти и воспоминаний, мест памяти, связанных со справедливостью, правдой, прощением, примирением, частичным забвением, упорядочили поле заявленных мест и символических практик, которые в случае Чили и Аргентины историки называли Битвами памяти.

Эта Битва стала возможной на основе культуры памяти, которая совместила все тексты и субтексты культуры общества, которые поддерживают воспоминания и отношение тех, кто ещё недавно был парализован страхом, но сегодня оказались ввергнутыми в амнезию своим спокойным и комфортным существованием, что заставляет их предпочесть забвение. Культура памяти, битва за память не ограничена в этом исследовании историографическим процессом, она выходит за пределы науки, за пределы учебных залов и академических кабинетов.

Память в Южной Америке – до сих пор очень неудобная вещь. «Битва за память состоит в том, чтобы восстановить посредством критического переписывания памяти нашу принадлежность к некоему историческому проекту, способному соединить части нашего фрустрированного племени, объединив наши силы для других битв, которые нам предстоят. Только так те молодые люди, мечтатели о лучшем мире, которые пали в борьбе, снова будут с нами, а мы восстановим нашу утраченную историчность. Итак, битва за память... сегодня это битва за Чили»¹.

Если мы понимаем память в более широком смысле, чем дело борьбы за права человека, то она составляет основу идентичности и коллективного проекта по линии идентификации частей «расщепленного племени» и причин разрыва, исторической травмы. Содержание памяти проецируется и проявляется с драматическими последствиями, заложенными во время противоречивой политике транзита к демократии в регионе, представляя картину более сложную чем та, что во время диктатуры навязала стратегию молчания. Диктатуры создали такие формы забвения, которые демократия не смогла или не захотела стереть.

Во время политического перехода к демократии после диктатуры требование справедливости было центральной темой, но поскольку самыми пострадавшими были не те партии, которые тогда оказались у власти, и которые имели свои программы и цели, то это требование стало вторичным и даже раздражавшим обе стороны (связанную с диктатурой и противостоявшую ей), пришедшие к компромиссу молчания. А военные юридически и конституционно сохранили роль «смотрящих» за политиками, с тем чтобы военные и их дела (а у власти они находились 20 лет, в Бразилии – 40 лет) не были затронуты – из опасения повредить стабильности, управляемости и экономическому росту. Таким образом, можно говорить о треугольнике (или пирамиде), создавшем фундамент нового забвения. В непроницаемой политической и исторической реальности было потрачено сто лет, прежде чем народные требования были услышаны в более гуманной и социализированной атмосфере.

Если пойти далее простого противопоставления памяти – забвения, то битва за память перемещается в поле политической инженерии, которая создавала напряжение в сферах частного и публичного, индиви-

---

¹ Illanes 2002, P. 16.

дуального и коллективного, где шла борьба не за Правду и Справедливость, ранее невозможные, а за смысл и ценность самой историчности, за то, кто теперь расскажет историю, и кто её сотворит в будущем.

Говорить о памяти как синониме коллективного проекта означает, без сомнения, отсылку к «памяти» побеждённых и победителей, которые ищут лишь способ умолчания, сокрытия правды. Произошла перемена знака в воле умолчания, которая сначала навязывалась диктатурой, а затем – при переходном правительстве – стала парадоксом, так как была лишь внешней частью договора. Этот вызов пакту переходного периода должен был столкнуться с социальными рамками интерпретации, в которых происходит симбиоз памяти и идентичности.

Согласно таким авторам, как Анри Руссо, Морис Хальбвакс, Алесандро Портелли, социальные субъекты действия (группы) создают некое будущее, выстраивая общественные рамки легитимности и воспоминания, в которых индивидуальный нарратив вписан в коллективное и практическое повествование, которое американский историк С. Стерн назвал «символической памятью»². Этот механизм задает реальность не только потому, что существуют интерпретационные рамки, но и потому что ещё есть группы людей, которые это помнят³. Переход к демократии в Южной Америке превратился, в отличие и в дополнение к описанному механизму, в концепцию, артикулирующую реальность, на которую опираются идеи о том, как жить, как вспоминать, как оценивать общественный и личный опыт в нашем недавнем прошлом, проводя деконструкцию социального времени. Наше приватизированное и непрерывное настоящее боится прошлого и блокирует коллективное воображаемое о будущем. Социальные ограничения транзита применительно к переходным администрациям в Чили и Аргентине исходят из страха возвращения к тяжёлому прошлому, а значит – невозможности будущего. Они представляются гарантией политического порядка и частного спокойствия. Помимо прочего, следствием стало изъятие истории, которая существует по оси прошлое-настоящее-будущее, подчинение коллективного действия социальному порядку, навязанному диктатурами, и «десубъективизация»⁴ – утрата и дискредитация исторического субъекта.

В период транзита к демократии политические партии и новые демократически избранные власти заняли исключительно прагматическую позицию в отношении проблемы прав человека, исключив их из общественной сферы в узкогрупповое и эксклюзивное обсуждение и бытование. Окончательным приговором были слова первого демократического президента Чили Патрисио Эйлвина: «Справедливость по возможности». Им противопоставили лозунг организации защиты прав

---

² Stern 2000. P. 11-33.

³ Rosas 2009. P. 67.

⁴ Sennett 2009.

человека: «Правда, справедливость и наказание виновных». Эта позиция казалась романтической и отсталой по сравнению со стремлением правительства защитить и объединить так называемую общую «чилийскую семью», которую раскалывала политическая нетерпимость. Таким образом, преследования и забвение дали начало «психологизации» и мягкому юридическому процессу, который перевёл проблему из политической сферы в казуистическую.

Переходный период в регионе имел разные скорости и формы, но одно было общим – все правительства проводили прагматическую политику «умиротворения» и примирения в области прав человека. Они занимались экономическим восстановлением, а также проводили двойственную символическую политику, включавшую в себя законы об амнистии, политику, граничащую с равнодушием к данной проблеме. В этих обстоятельствах организации прав человека прибегли к юридическим действиям, которые в благоприятных условиях принудили власти отступить, заставили общество выйти из добровольной амнезии, поддерживаемой военными, добились хотя бы частичного и запоздалого, но наказания для самых отъявленных негодяев.

Правительства переходного периода, будь то из-за отношений государства с вооружёнными силами, будь то из-за своей слабости перед лицом экономических и юридических проблем, унаследованных от военных режимов, или же в силу своего собственного состава, блокового характера различных партий и сил, выбрали путь огосударствления и формирования памяти в рамках уважения прав человека в связи с собственными потребностями легитимации и гарантий управляемости страной. На первый взгляд казалось, что предпринимаются искренние усилия раскрыть правду, но при переводе дел к индивидуальным судебным процессам делались попытки исключить политический аспект, партийную принадлежность жертв, что приводит к «вторичному убийству». Создаются музеи, институты памяти, переименовывают улицы, возводят памятники, но – дистанцируясь от политики, говоря лишь о «событиях прошлого». Эти разрывы социального времени, как и расхождения между историей и памятью, не являются результатом военного противостояния, которое оставило воспоминание об эпическом и этическом сопротивлении, но были результатом мнемотехники (технической стратегии) транзита, результатом пакта, который никак не закончится.

Бразильский историк Людмила да Силва процесс огосударствления памяти определила как «доминирующую память», так как именно государство признавало ценность прав человека и признавало ужасы прошлого, но отвергало тот коллективный проект, которых объединял жертв. Также сегодня существует и требует признания, как её назвала Элисабет Хелин, «скрытая или подземная память», т.е. память тех людей, которые, не обладая символическим капиталом, столь же признанным, как дискурс, вписанный в риторику прав человека, связывают ре-

прессии с личным опытом в общей коллективной борьбе, – людей, для которых это борьба против несправедливости. Репрессии присущи самой системе господства, которая воспроизводится и сегодня, и это не может быть лишь фактом прошлого. Памятные мероприятия, проводимые непримиримыми в отдельных местах и по поводу разных событий, соседствуют в Аргентине, Бразилии и Чили с официальными актами коммеморации, что делает невозможным отрицание их существования или обвинения в аполитичности, маргинальности и бессмысленности.

В процессе формирования коллективной памяти возникло и развилось противопоставление символики и дискурса, усилившееся в ходе демократического транзита. Например, в Аргентине организации, защищающие диктатуру, до сего дня отмечают памятные даты гибели военных, пользуясь теми же символами и коммеморативными практиками, что и организации по защите прав человека. Что касается дискурса, то любопытно присвоение переворотам термина «революция», ранее бывшего достоянием левых. В Бразилии военный переворот назвали революцией, в Чили при диктатуре была написана апологетическая книга под названием «Чили: молчаливая революция»⁵, в которой утверждалось, что политические перемены с установлением диктатуры имели глубокие структурные основания, которые не исчезли с отходом военных от власти. Идея состояла в том, что этот «мягкий неолиберальный тоталитаризм» не мог бы быть реализован при простом военном перевороте⁶.

По мнению Элисабет Хелин (Аргентина), существует связь и взаимодействие между концепцией памяти и справедливости, что не только затрагивает тему прав человека, но возрождает запретную тему того исторического проекта, против которого и было направлено насилие, ударившее по правам человека. В этом контексте встает вопрос: в чем состоит справедливость, которую предложили переходные к демократии режимы. Э. Хелин не находит удовлетворительного ответа на этот вопрос, так как переходные режимы не ограничились периодом транзита, а продолжают существовать. Диктатуры разрушили саму структуру, из которой мог исходить транзит, уничтожили личностный фактор этого перехода. Например, она, женщина, которая была членом партии, ассоциировала себя с рабочей культурой, теперь осталась без организации, без партии, даже без промышленности, в которой вела профсоюзную деятельность. Место её в этой жизни исчезло.

Сорок лет назад начался цикл структурных перемен и политической инженерии, а сегодня существует система, которая освятила своими

---

⁵ Lavín 1988.

⁶ В случае с Бразилией транзит происходил не из переговоров между диктатурой и её противниками, а из лона самой диктатуры. Её сущность чётко выразил глава военного режима Жуао Батиста де Оливейра Фигейреду, который заявил: «Кто не хочет перехода к демократии, того я арестую и прикажу бить».

институтами неравенство и эксклюзивность, разрушила социальное движение, которое идентифицировалось с другим проектом, о котором нынешняя система отзывается двусмысленно и почти с эстетической точки зрения. Все эти процессы породили даже особый политико-юридический феномен – «справедливость эпохи транзита»⁷, смысл которого состоит в решении проблем мира, памяти, восстановления, реформы институтов, внутреннего раскола, который как открытая рана травмировал общество из-за последствий насилия со стороны государства.

Общество, пребывая в анемичном состоянии, предпочло стабильность, как самую желанную цель, а прошлое варварство предназначалось для музеев, становясь «археологической» древностью. В результате проблема памяти осталась не разрешённой. Транзит формировал общественную память, задействовав процесс над-конфликтной, над-политической идентификации, установив броню перед возможным конфликтом памяти, вытесняя проблему из сферы общественного обсуждения в область юридического решения в рамках государственных институтов⁸ (огосударствление памяти). С другой стороны, до сего дня идёт поиск справедливости и возвращения к остаткам прошлых проектов, исключённых и вытесненных из нынешней системы, со стороны тех, кто желает возрождения коллективных проектов, которые укрепят их позиции в обществе.

Транзит представлял собой процесс консервативной, а не демократической реставрации. Символизм транзита с консервативным стержнем исключал понимание исторического проекта и лиц, которые его воплощали, а также традиции, организации, практики и знания, через которые разные сегменты народных сил создавали свое представление о справедливости и идентичности вне государства и его политики. В отличие от олигархического общества (традиционные и консервативные слои, связанные с землевладением, банками и торговлей) с его прямой вертикальной политикой, которое после двухсот лет господства было преодолено политическими действиями снизу, нелиберальная модель (чилийский вариант) предложила сложный стратифицированный транзит: формальная политика наверху, материализованная в пактах и договорах о стабильности, увязанных с их принятием снизу. В обществе стал господствовать индивидуализм, социальная атомизация, маргинализируя все народные формы организации. Были вычеркнуты из памяти почти сто лет истории общественных движений, которые собственно и открыли путь к демократическому транзиту через различные полуполиэгалные и легальные формы прямого действия, связанные с реализацией альтернативных общественных проектов, противостоящих тем, которые продвигала элита.

Вопросы соблюдения прав человека перешли из области социальных проблем, морали и этики в сферу юридическую, были загнаны в

---

⁷ Teitel 2003, P. 69-94.

⁸ Portelli 2003.

суды, вытеснены из общественного обсуждения. Социальная память ослабевает по мере умолчания о народных политических проектах прошлого, пропадая в омуте неолиберализма. Народ же остаётся без памяти.

Память и справедливость в Аргентине

Общее представление о справедливости имеет двойную структуру: первое – то идеальное или формальное, о чем пишут в юридических текстах, и второе – с чем люди сталкиваются ежедневно, что воспроизводится в обществе и в истории. Как указывает Элисабет Хелин⁹, пост-диктаторская Аргентина прогрессирующе (или регрессирующе) меняла своё представление о справедливости и её связи с юридическими институтами. Во второй половине XX в. в Аргентине происходит раздвоение социальной справедливости и формальной юстиции. Во времена Хуана Доминго Перона эта двойственность предполагала точку зрения официальной доктрины режима «хустисиализма», отдававшей предпочтение концепции социальной справедливости, что соответствовало стремлению масс к расширению социальных прав, увеличению потребления широких слоёв населения, что ассоциировало правительство и его курс с самим народом. В период с 1960 по 1970-е гг. эта идея стала размываться в политической конфронтации, которая, как и на всем континенте, приобрела своё крайнее выражение в партизанском движении и фокизме (теории партизанского очага), что в общем-то было эхом Холодной войны. Возникновение вооружённой борьбы в Латинской Америке в различных вариантах демонстрировало отсутствие легитимности и как минимум сомнения относительно претензии на справедливость. Насилие со стороны народа было ответом на насилие со стороны элит.

Установление диктатуры узаконило насилие и бесправие, вынудило её противников к подпольной борьбе, сделало обыденностью пытки и исчезновение людей, парализовало деятельность юстиции, поставив под сомнение само существование права. С возвратом к демократии справедливость вновь оказалась в центре общественной и государственной повестки дня. В трактовке прав человека переходные правительства делали упор на судебную власть как инструмент исправления несправедливостей. Но преодолело ли оно двойственность формальной и социальной справедливости? Движение за права человека ширилось, начиная с самого военного переворота в 1976 г., и стало массовым и мощным в конце диктатуры. Это движение было заметным фактором в политике переходных правительств, выступая под лозунгом «справедливость и наказание виновных». Неизбежность амнистии была тем призраком, что не только вызвал «битву за память» и требование уважения прав человека, но мобилизовал политическую систему, которая её предлагала. Борьба за права человека стала политикой с лозунгами «Возвращение живыми» и «Суд и наказание виновных»

---

⁹ Jelin 2006.

Концептуальные принципы определения «нарушений прав человека», международные договоры позволили вернуть тему преследования виновных в область судебного производства. Отмена Закона об автоамнистии (т.е. самих военных) и «Окончательного доклада» создали атмосферу, благоприятную для судебного преследования. Правозащитные организации хотели избежать договорённостей политиков и военных об иммунитете по делам о репрессиях. Им удалось создать общественную атмосферу, сделавшую неизбежными процессы над виновными в репрессиях, а Конгресс принял постановления об осуждении нарушений прав человека и перевёл дело в русло судебных преследований.

Права человека и транзит в Аргентине

«Более чем в других случаях демократического транзита, в Аргентине права человека стали основополагающим элементом нарождающейся политической демократии»¹⁰. Новая демократия должна была обеспечить справедливость в отношении совершённых диктатурой преступлений, и вместе с тем обеспечить основы новых институтов власти, которые в будущем должны будут гарантировать права человека. Это было возможно только в процессе политизации и мобилизации, которые связывали память, права человека и справедливость для прошлого и будущего. Движение за права человека идентифицировалось с культурными движениями, общественным мнением и широкими социальными сетями.

Президент Рауль Альфонсин пообещал преследовать в судебном порядке военных, но также говорил о необходимости не распространять уголовное преследование на все преступления периода диктатуры, так как вёл переговоры с вооружёнными силами. Таким образом, право было подчинено политическим потребностям и пактам о стабильности с военными, хотя началось преследование трёх первых военных хунт. Одновременно Конгресс аннулировал Закон об автоамнистии. Альфонсин создал Национальную комиссию по пропавшим без вести для расследования преступлений во время диктатуры. Доклад этой комиссии означал не только символическое признание вины, но и содержал доказательную базу для уголовного преследования. Большой резонанс имело издание книги «Никогда более»¹¹, после чего общественное мнение не могло оставаться нейтральным.

Суды над членами военных хунт и их осуждение способствовало укреплению легитимации судебной власти, которая тогда переживала

---

¹⁰ Jelin 2006, P. 347.

¹¹ Книга «*Nunca más, informe final de la Comisión Nacional sobre la Desaparición de Personas*» была докладом комиссии по пропавшим без вести (CONADEP) в Аргентине, в период между 1976 и 1983 гг., также известный как «доклад Сабато» по имени председателя комиссии и писателя Эрнесто Сабато, который был передан президенту Альфонсину 20 сентября 1984 г. Название доклада повторяло девиз выживших в Варшавском гетто.

кризис. Создавалось впечатление, что после этих приговоров вопрос о справедливом возмездии более не стоит, с чем были абсолютно не согласны правозащитные и левые организации, требовавшие наказать всех виновных. Беспокойство военных, их давление на власти дало свои плоды: в 1987 г.: правительство приняло Закон о необходимой субординации¹², что означало амнистию для большинства военных.

Военные в 1988 и 1990 гг. поднимали мятежи против президента Карлоса Менема, демонстрируя недовольство процессами, пока тот не помиловал всех военных, замешанных в нарушениях прав человека и ответственных за войну за Мальвинские острова. Через год были освобождены мятежные военные, кроме “*carapintadas*” («раскрашенные лица»)¹³, которые воплощали новый милитаризм, претендующий на реальную власть. Они же были ответственны за убийство более 30 человек, расстрелянных во время нападения гражданских активистов на военные казармы в Ла-Таблада 23 января 1989 г. До сего дня идёт расследование, было ли нападение на казарму попыткой остановить переворот против Рауля Альфонсина и нарождающейся демократии, или возможно это было попыткой левых из «Движения Все за родину» (*Movimiento Todos por la Patria*), связанного с одной из фракций Революционной партии трудящихся (PRT/ERP)¹⁴, поднять восстание.

Амнистия, новые пропавшие без вести, помилование путчистов, отступление гражданской власти под давлением военных – все эти события означали институциональное поражение юстиции и правосудия, привели к возврату к дихотомному пониманию справедливости как политической целесообразности и как социально-политической справедливости, без которой нет движения вперёд.

После помилования, дарованного Менемом, деятельность правозащитников ослабла как никогда. Внимание общества сконцентрировалось на экономическом кризисе, гиперинфляции, экономической программе Менема – всем было не до восстановления справедливости. Законы об амнистии противоречили международным договорам о преступлениях

---

¹² Этот закон устанавливал, что совершившие преступления военнослужащие рангом ниже полковника не могут привлекаться в ответственности, если они выполняли приказ. Эту идею Альфонсин защищал ещё с 1983 г. Этот закон и всеобщее помилование военных президентом Карлосом Менемом в 1989–1990 гг. известны как законы о неподсудности.

¹³ Крайне правые военные, которые восставали против Альфонсина и Менема в 1987 и 1990 гг., требуя прекратить судебные преследования. Их название происходит из использования чёрной краски на лицах для камуфляжа. Их командиры были осуждены, но вышли по помилованию 1989 года.

¹⁴ Революционная партия трудящихся была основана 25 мая 1965 г. в Буэнос-Айресе, вела вооружённую борьбу в 70-е годы, ставила своей целью насильственную социалистическую революцию. Её лидером был Марио Роберто Сантучо. Своего наибольшего размаха действия партии получили в 1965–1977 гг., затем из-за репрессий партия фактически прекратила существование.

против человечности, что ставило вопрос о приоритете национального или международного права.

В 1996 г. началось новое наступление, когда «Бабушки Майской площади»¹⁵ подняли вопрос о похищении детей жертв режима, которых передавали в другие семьи. По этому делу не была ясна юридическая составляющая. Только в 1998 г. по этим делам генералы Хорхе Рафаэль Видела и Эмилио Массера и другие предстали перед судом. 6 марта 2001 г. судья Габриэль Кавальо объявил о неконституционности законов об амнистии, что означало возобновление судебных преследований, победу юридических принципов справедливости над политическими договорённостями и пактами времён транзита. Только в 2006 г. состоялось решение суда по «делу Симона», ребёнка, родителей которого убили военные, а затем его отдали на воспитание в семью офицера. Это дело привело к отмене законов о необходимой субординации и «окончательной точки», ввиду их несоответствия Американской конвенции о правах человека и Договору о гражданских и политических правах. Международные обязательства открывали возможность требовать справедливости и правды.

По мнению Э. Хелин, концепция справедливости, транзит и политическое развитие последних тридцати лет были преданы забвению. История последнего времени, наполненная неравенством и паллиативной политикой, сделала необходимым иной, «более эгалитарный взгляд на социальную справедливость при гражданской позиции в отношении институциональной юстиции»¹⁶. Иными словами, память, связанная с концепцией справедливости как части коллективного проекта более справедливого общества, пережила замалчивание, начатое в переходный период и во время торжества неолиберального проекта, что было характерно для всех пост-диктаторских правительств. Для них защита прав человека осталась в прошлом, а в настоящем была чисто утилитарным предметом, не предусматривала обязательств в отношении социальной справедливости в будущем. И историческая память, и права человека становились нейтральными понятиями.

Память как оружие борьбы. Бразильская «революция» 1964 г.

«Пытки, убийства патриотов превратились в рутину жизни в полицейских участках. Это жизнь в условиях Институционального акта № 5, который отменил все самые элементарные права гражданина. Наша родина сегодня – это огромный военный лагерь, где нет ни закона, ни уважения к человеку»¹⁷. Маршал Леви Кардозу вспоминал, что 31 марта ночью объявили о победе «революции» – так назвали военный переворот 1964 г.

---

¹⁵ «Матери Майской площади» и «Бабушки Майской площади» – правозащитные организации, разыскивающие детей и внуков, пропавших без вести во время диктатуры, начиная с 1976 г.

¹⁶ Jelin 2006. P.359

¹⁷ Nercesian 2006, P. 446-460.

(после него военные оставались у власти 21 год), объявив об этом вечером, чтобы такое событие не попало на 1 апреля, «подмочив» серьезность действий военных. С самого начала военные хотели представить переворот как историческое событие, предназначенное изменить страну. Революция 1964 г. была «придуманной и навязанной военными» категорией¹⁸.

Использование термина «спасение» и «революция» по отношению к событиям 1964 г. долгое время и частично до сего дня занимает своё место в коллективном воображаемом. Он лежит в основе интерпретации этих событий. И это не просто ритуальные фразы, а формирующие память образы, противостоящие тем, которые предлагают жертвы режима и «революции»¹⁹. Историки Алешандра Карвалью и Людмила да Силва проанализировали празднование «революции» 1964 г. в ритуале, формирующем военную культуру, и его интерпретацию правозащитниками. В этих коммеморативных практиках отразились процессы институционализации памяти как с точки зрения интерпретации прошлого режимом, так и исходя из опыта сопротивления военным.

Празднование десятилетия «революции» (1974 г.)

В духе «семи модернизаций» диктатуры Пиночета в Чили бразильский режим с самого начала попытался пропагандистски связать переворот с идеями свободы и прогресса. В первый 10-летний юбилей переворота во всех школах проводились мероприятия в честь «революции», которая представляла носительницей порядка, прогресса и оптимизма. Лозунг празднования – «Десять лет строим Бразилию» – закреплял в коллективном воображаемом темы экономического прогресса, роста влияния Бразилии во внешней политике, уважения к правам людей и пр.

В качестве примера того, как эти идеи проникли в социальную память, хочу привести случай с одним профессором, который прибыл в Чили с лекциями и утверждал, что в Бразилии тему прав человека, пропавших без вести и преступлений вооружённых сил в рамках доктрины национальной безопасности следует рассматривать с большей осторожностью, чем в других странах Южного конуса, так как в Бразилии все эти явления имели место в гораздо меньшей степени. Этот профессор не знал, что чилийские военные использовали пытки, которые ранее были изобретены бразильскими военными.

Концепция революции во имя порядка и прогресса имела некоторые основания в жизни: экономический рост Бразилии в те годы вывел её в десятку самых богатых стран мира, кроме того бразильская сборная по футболу снова стала чемпионом. Бразилия рисовалась как великая держава во всех планах. В ходу были такие понятия как «демократическая революция», «бразильское чудо», «революция и народ»²⁰. Цензура даже

¹⁸ Carvalho & da Silva 2003, P. 196.

¹⁹ Ibid. P. 197.

²⁰ Ibid, P. 200.

пропускала интервью с оппозиционерами, вспоминая события десятилетней давности, но тональность всех выступлений сводилась к тому, что переворот был необходимым и меньшим злом, а в пользу его говорили успехи в экономике, поэтому все события и изменения в стране именовали не иначе как «революция».

Были также голоса, противостоящие официальному дискурсу, в основном среди студенческих организаций, выпускавших памфлеты и плакаты против диктатуры. Официальная пресса полностью игнорировала тот аспект памяти, который включал в себя рабочее движение, левые партии, вооружённое сопротивление, о чем стало известно только после падения диктатуры. В то время борьба памяти была сопряжена с реальной опасностью, ибо была частью сопротивления диктатуре.

Празднование двадцатилетия переворота, 1984 г.

На двадцатилетие «революции» блеск и pompa официальной пропаганды потускнели. В стране была высочайшая инфляция, высокая безработица, общий кризис экономики. Газеты печатали мало комментарные статьи о режиме и прямо требовали проведения свободных выборов. Само по себе празднование в этот раз ограничилось военными и их сторонниками. «Революция» постарела. Общество требовало немедленных прямых и всеобщих выборов. Теперь говорили не о революции, а о диктатуре, перевороте. Слово получили противники режима, хотя его сторонники по-прежнему доминировали в официальных медиа. Проводимые опросы общественного мнения показывали, что большинство уже не было с режимом.

Тридцатилетие (1994 г.)

В этот год те события вспоминали в новых перспективах, с новыми действующими лицами, уже без официальной пропаганды и без призывов к выборам. Режим прекратил своё существование в 1985 г. Пресса отдавала приоритет интеллектуалам, политикам, которые вели научные споры о тех событиях. Также проводились публичные мероприятия, из которых выделялись открытые дебаты в Католическом университете Рио-де-Жанейро. Однако в книге, опубликованной по результатам дебатов, не нашла отражения борьба за память, возглавляемая студентами, которые противостояли присутствовавшим там военным. В знак протеста студенты покинули заседания, а с ними и 80% всех присутствовавших. Тем не менее, к тридцатилетию появились книги и фильмы, в которых ставился под сомнение демократический и революционный характер переворота.

Только армия отмечала годовщину переворота как «демократическую революцию». Между тем, в предыдущие юбилеи дискурс был единым, речь шла о единстве народа и военных, что подчеркивало демократический характер переворота.

В первое десятилетие празднование длилось целую неделю (25–31 марта). Завершая торжества тогдашний президент Эрнесту Жейзел за-

являл: «Революционное движение 31 марта 1964 г. – это отблеск гражданственности и демократических убеждений»²¹. Военные считали своим долгом напомнить молодому поколению, что они спасли страну от хаоса, который несло свергнутое ими правительство.

Во время двадцатилетия снова главной темой было единство народа и армии. Тогда военный министр генерал Вальтер Пирес ди Карвалью заявлял, что главным в революции был её народный характер, ибо она была поддержана всеми секторами бразильского общества. В качестве подтверждения публиковались фото и видео «семейных маршей» в поддержку переворота, массовые церковные мессы в поддержку военных, репортажи жертв терроризма и подрывных действий левых.

В двадцатилетний юбилей массовые манифестации по всей Бразилии требовали немедленных прямых выборов, уже возвращались из эмиграции старые политики, росло профсоюзное движение. Военные же утверждали, что эти демонстрации есть проявление климата умиротворения, уважения к оппозиции, действия закона об амнистии, и это было результатом той «революции». А президент Жуау Фигейреду заявлял о конце диктатуры и скорых выборах, т.е. начинался типичный для Южного конуса демократический транзит.

В тридцатилетие трое военных министров выступили с обращением к Вооружённым силам (большинство тех военных не были участниками переворота), настаивая, что он был результатом воли народа из-за морального, экономического, политического и социального кризиса, в котором тонула страна (на том же настаивала и чилийская хунта в 1973 г.). Газеты призывали побеждённых и победителей спокойно проанализировать прошлое, а адепты режима по-прежнему настаивали на демократическом характере переворота, отделяли умеренных и жёстких военных, и, как в Чили, говорили о «великом деле экономической модернизации».

В 1995 г. президентом был избран Фернандо Энрике Кардозу, которого преследовали при диктатуре, а три поста министра заняли политэмигранты. В тот год никто не вспоминал о годовщине переворота. Военные согласились, что не стоит ее праздновать, так как это разделяет страну.

Правозащитники

В 1987 г. группа «Против пыток» провела демонстрацию против празднования 31 марта перед полицейским отделением, в котором практиковались пытки. Это произошло в тот же день, когда военные награждали участников репрессий «Медалью умиротворителя». С этого момента правозащитники стали оспаривать содержание празднования 31 марта. В 1989 г. в Рио-де-Жанейро группа «Против пыток» объявила об учреждении медали «Сопrotивления имени Шикун Мендеса»²² в память об убитых

---

²¹ Ibid, P. 221.

²² Франсиску (Шикун) Алвес Мендес Филью был профсоюзным лидером сборщиков каучука, экологом и пацифистом, боролся против вырубки лесов в Амазо-

и пропавших без вести при диктатуре. Это была новая коммеморативная практика, отмечающая борьбу за права человека при диктатуре, здесь говорили уже не о революции, а о перевороте, совершенном меньшинством, стремившемся защитить свои привилегии ценой систематических нарушений прав человека. Более того, отмечали эту дату 1 апреля, в «день дураков», когда на самом деле переворот и произошёл. Этот акт памяти должен был сорвать все маски с «Медали умиротворения».

В школьных текстах говорилось о революции как перевороте, но подчёркивался его «цивилизованный», бескровный характер. При этом в тех же самых учебники отмечалось, что после 1968 г. нарушения прав человека стали систематическими. Учащимся предлагалось поспорить о позитивных и негативных сторонах режима. Позитивными всегда объявлялись экономические достижения, а негативными – репрессии. Битва за память вызвала к жизни двойственность в моделировании социальной памяти. После ухода военных дата переворота перестала отмечаться, она разделяла людей, а потому была вытеснена в память отдельных групп.

Движение «Против пыток» сделало ее датой памяти жертв диктатуры. В отличие от уходящих в прошлое помпезных актов военных эта знаменательная дата обретает все большую силу, так как стала обозначать борьбу за права человека не только по времена диктатуры, но и сегодня. 29 марта 2012 г. накануне почти сорокалетия тех событий сотни бразильцев вышли на марш протеста перед Военным клубом в Рио-де-Жанейро против любых празднований годовщины переворота 1964 г.

Почти сорок лет после переворота командующий армией генерал Франсиску Роберту Албукерке обратился со специальным посланием к солдатам, призвав их видеть в 31 марта 1964 г. «одну из важных страниц нашей истории, на которую надо смотреть без озлобления и обиды», подчёркивая «важность жить в обществе, которое не будет разделено идеологическими страстями и не будет постоянно сводить счёты с прошлым». Тогда же была открыта выставка «Свидетельства неслышимой войны» (*Registros de una guerra sorda*), первое собрание документов, свидетельств и образцов политической пропаганды диктатуры, а также слова песен таких авторов как Шикку Буарке, Жильберту Жиль, демонстрируя разные стороны репрессий и сопротивления. На открытии Жузе Эдуарду Кардозу, министр юстиции в кабинете президента Дилмы Русеф, пообещал, что в 2011 г. будет создана «Комиссия правды», которая откроет тёмные страницы сорокалетней давности, в том числе о судьбе 300 пропавших без вести арестованных при диктатуре. Как и в Чили в период транзита, президент Дилма Русеф гарантировала, что ни ненависть, ни стремление к реваншу не проникнут в эту комиссию. На от-

крытии выставки присутствовали все бывшие президенты периода после диктатуры, и они уверяли, что все преступления против прав человека и исчезновения людей будут расследованы. Но при одном условии: амнистия 1979 г. останется в силе, а она не позволяла осудить виновных, так как законность этой амнистии была подтверждена Верховным судом в 2010 г. «Революция 1964 года» так и остаётся непобеждённой.

«Молчание аргентинской прессы»²³

Как утверждают некоторые авторы, в 1996 г. в Аргентине чувствовалась некоторая свобода. Через 20 лет после переворота 24 марта 1976 г. сложилась атмосфера, которая благоприятствовала честному анализу прошлого. До этого юбилея память об ужасах того времени была фрагментирована. Переходный период ставил задачу моделировать память консенсуса, не обращаясь к теме причин конфликта, что вело к размыванию ответственности и «демократизировало» ужас, т.е. в нем были повинны все. Примерно то же самое происходило и в Чили, когда правая газета «El Mercurio» писала: «мы все убили Виктору Хару»²⁴.

С 1996 г. в Аргентине начался период, когда стало возможным посмотреть назад, в прошлое, «без дрожи ужаса и горя»²⁵, стали появляться многочисленные работы, произведения искусства, повествующие о периоде 1976–1983 гг. Этот процесс одним показался позитивным, а другим – очень опасным из-за близости тех событий для того, чтобы проводить беспристрастный анализ.

Конфигурация средств массовой информации как инструмента, формирующего чувства, прошла два периода: диктатура и переходный период. В это время строилась нынешняя машина масс-медиа, играющая решающую роль в жизни страны. Когда же речь шла об ответственности за преступления диктатуры роль масс-медиа вовсе не рассматривалась. На страницах ведущей аргентинской газеты «El Clarín» в 1984 г. Родольфо Тарраньо подчеркнул искупительную мысль, что «не существует успешных диктатур или оккупаций без более или менее массового соучастия», что «когда народ выходит из периода страха, иллюзия его единства важнее разделяющей правды»²⁶. Это призывает к тому, чтобы не индивидуализировать ответственность, не определять конкретных виновных, тем более в отношении средств массовой информации, их роли во время диктатуры, их вклада в выработку особого типа памяти, правды и транзита.

После падения диктатуры происходит подъем средств массовой информации, что и понятно с торжеством принципов демократии. Их бурный рост привёл к забвению их прошлой роли и соучастия в период

²³ Blaustein & Zubieta 1998.

²⁴ *El Mercurio*, 28 de mayo, 2009. Речь идет об убийстве военными певца, поэта, музыканта Виктора Хары в первые дни переворота 1973 г.

²⁵ Blaustein & Zubieta 1998. P. 14.

²⁶ Blaustein & Zubieta 1998. P. 16-17.

диктатуры. В то время как католическая церковь и вооружённые силы, хотя и частично, провели переоценку своей позиции времён диктатуры, пресса отказалась это сделать в отношении себя. Орасио Вербицкий пишет, что в редакциях не знали, что творится в Аргентине в деле репрессий (Э. Блаустейн называет это сомнительной гипотезой). С первых моментов переворота военные запретили публикации, противоречащие новому порядку²⁷. К концу диктатуры среди журналистов была почти сотня пропавших без вести, но они пострадали не из-за того, что говорили правду, а потому, что принадлежали оппозиционным организациям.

Но дело не только в молчании, которое навязала диктатура прессе, – пресса поддерживала прочные отношения с военными правительствами и общественными секторами, которые они представляли. Известна также роль чилийской газеты «El Mercurio» в свержении правительства Сальвадора Альенде и сокрытии преступлений диктатуры Пиночета. Эдуардо Блаустейн и Мартин Субиета в книге «Молчание аргентинской прессы» приводят факт, что директор газеты «La Opinión» Рамиро Касабельяс встретился в день переворота 24 марта с членами хунты и договорился о вкладе прессы в новой ситуации. Ночью 22 апреля редакторам газет было приказано не печатать ничего о смертях или исчезновениях людей, кроме официальных сообщений. При этом Касабельяс утверждал, что пресса тогда была свободной. Никто не осмеливался бросить вызов режиму.

Борьба за память

Тридцатилетний юбилей переворота 2006 г. прошёл почти незаметно в столице, но в провинции нашли отражение различные формы памяти. На рубеже веков Аргентина переживала глубокий политический кризис, а в области памяти произошла нечто вроде ее стратификации. Власти в центре и в провинции вступили в диалог с организациями прав человека, чтобы создать институты памяти, воздвигнуть памятники, посвящённые пропавшим без вести: был открыт «Музей памяти» в Росарио, была создана Провинциальная комиссия памяти в Ла-Плате.

В 2003 г. с приходом к власти президента Нестора Кирчнера политика памяти обрела общенациональный характер. Самое главное – были отменены законы об амнистии, и виновных в репрессиях предали суду и посадили в тюрьмы. 24 марта 2004 г. Кирчнер в сопровождении всего своего кабинета присутствовал на акции в Военном колледже, когда со стен были сняты портреты генералов Виделы и Биньоне. В тот же день президент издал указ о создании Института памяти и развития прав человека. Смогли ли эти формы официальной памяти снять противостояние между более слабыми, менее видимыми формами народной и семейной памяти, которые связывали права человека с социальной справедливостью, и теми носителями памяти, которые оправдывали ужасы диктатуры государственным интересом и военной субординацией.

---

²⁷ Blaustein & Zubieta. 1998. P. 23.

Преобладающее направление строительства памяти после возвращения демократии в 1983 г. состояло в деятельности родственников тех, кто пропал без вести, и правозащитников. Они требовали правды и справедливости. Только через тридцать лет государство создало институты памяти, переименовали площади и улицы, 24 марта был объявлен национальным праздником. Однако предшествовавшие перевороту события, партизанская борьба не были включены в эту память. «Соблюдение прав человека заставляет нас рассматривать память не в единственном числе, а во множественном: есть несколько видов памяти, состоящих в конфликте, борющихся, замалчивающих, табуирующих и предающих забвению отдельные стороны прошлого»²⁸.

Бесчеловечное обращение и репрессии были и до, и после переворота, но это не включено в «официальное» понимание прав человека. Например, в Чили было проведено исследование историком Себастьяном Лейва, который показал, что часто полиция убивала неполитических, обычных уголовников без суда и следствия, без доказательств их вины: это были жертвы «полицейских злоупотреблений, уголовные преступники, пьяницы, бытовые преступники, бродяги»²⁹. В отношении этих жертв никто не требовал ни правды, ни справедливости.

Чилийский транзит с 1990 г. отличался таким же беспамятством, как и аргентинский. С начала транзита правительства «Согласия» отказывали организациям, использовавшим насилие в противостоянии с диктатурой, в праве на политическое действие. Их по-прежнему преследовали, осуждали как террористов, продолжая линию «умиротворения» против повстанцев. Параллельно с этим действовал механизм изоляции, была построена тюрьма с высочайшей системой безопасности, с жёстким режимом дисциплины и наказания. Большинство заключённых были арестованы уже при демократии за действия, совершенные в последние месяцы существования диктатуры и первые три года транзита.

Повстанцы оправдывали свои действия тем, что боролись с полицией военного режима, никак не поменявшейся с транзитом, тем, что полностью сохранилась юридическая и политическая система, игнорировавшая проблемы народных слоёв. В стране не изменилась ситуация ни с правами человека, ни с безнаказанностью нарушений прав человека, продолжались физические и психологические пытки. Создавались новые секретные службы, а сопротивление оставалось невидимым и ещё одно десятилетие должно было оставаться почти как в подполье.

Результатом правительственной политики «умиротворения» повстанческих групп между 1990 и 1994 гг. были, согласно Корпорации защиты прав человека (Codepu), 140 случаев пыток и 96 убитых в ходе полицейских акций: «Упомянутые погибшие в 80% случаев умерли от

²⁸ Blaustein & Zubieta 1998. P. 186.

²⁹ Leiva 2010. P. 286-300.

пулевых ран, 7% – от удушья и утопления, 6% – от избиений, и 7% – по другим причинам»³⁰. В тот же период были арестованы 170 человек за политическую деятельность. Существовавшая тогда Организация народной защиты (ODEP) констатировала арест более 400 человек в период с 1990 по 2000 г. По нашему расследованию³¹ большинство этих «преступников» были молодыми людьми 18-23 лет, а названный прессой «ребёнком-террористом» Марсело Вильярроэль 14-ти лет был отправлен в специальную колонию до достижения совершеннолетия. Этих арестованных тут же назвали террористами, а не политическими заключёнными. Их подвергали пыткам, параллельным гражданским военным процессам, не позволяли вступать с контакт с защитой. Всех их держали вособой тюрьме, где собрали молодых людей из Патриотического фронта Мануэля Родригеса (FPMR), Движение Лаутаро и Левого революционного движения (MIR), которые провели там более десяти лет³².

Борьба за права человека – безусловный политический капитал во всех контекстах, но она оставляет в стороне важный аспект, а именно «единственные в своём роде коммунитарные культурные коды... составляющие отдельное мировоззрение и представление о будущем»³³. Эти коды входят в культуру памяти, которая чаще всего ассоциируется с темой прав человека, но дистанцируется от идеи юстиции как нейтральной силы, предназначенной для гарантирования прав, ставит на первый план права людей, ставших жертвами, в построении коллективной памяти и определении политических действий.

Динамика развития социальной памяти связана с действиями институтов, разбирающих состав преступлений и передающих их органам для вынесения наказания. Это действие, социально здоровое в принципе, становится противоречивым, когда подчёркивается легитимность предыдущих общественных проектов и соучастие, виновность всех и создается предпосылка того, что в Аргентине назвали теорией двух зол. Историческая справедливость может быть границей, но она растворяется в создании инструментального консенсуса, который уничтожает историчность народа, подверженного застаревшим формам угнетения.

Существует и «отвергаемая память» – воспоминания об убитых военных в борьбе с герильей, о хаосе, который предшествовал перевороту. Группы правых требуют «полной памяти», приводят случаи, которые им также кажутся нарушениями прав человека, но со стороны герильи. Ко-

---

³⁰ Corporación de los Derechos del Pueblo (Codepu) 1994. P. 21.

³¹ Rosas 2004.

³² В начале 2003 г. Комиссия по правам человека Сената Чили, по требованию Католической церкви, предложила проект закона, который положил бы конец заключению, которое уже длилось 10–13 лет. Только после принятия законов о помиловании в 2004 и 2005 г. часть была освобождена, а другие, не получившие помилования, после 2006 г. стали пользоваться прогулками и отпусками по воскресеньям.

³³ Carvallo & da Silva, Pág. 194.

миссия памяти убитых повстанцами провела в 24 мая и 5 октября 2006 г. в Буэнос-Айресе акции, посвящённые военным, погибшим в борьбе с левыми. В них также участвовала Гражданская ассоциация Аргентины за полную память и некоторые военные, которые после этого были отправлены в отставку. Их дискурс памяти наполнен словами: «подрывные действия», «защита родины», «хаос», «война», «коммунисты», «иностранцы» и пр. Они отрицают само существование пропавших без вести. Тридцать лет спустя после переворота в Аргентине происходит конфликт разных вариантов памяти, которые невозможно совместить в единый нарратив. Этот конфликт пока носит открытый характер, а властям остаётся только администрировать обе памяти, разводив их в разные стороны.

В этой напряженной ситуации в ноябре 2011 года алькальд района Провиденсии с Сантьяго Кристиан Лаббе заявил, что очень удивлён критике акта в честь бригадира армии Мигеля Краснова. А ведь речь идёт об осуждённом преступнике, виновном в насилии и в нарушении прав человека. Алькальд вызвал ярость родственников и друзей жертв, молодёжных организаций, политиков и даже правого правительства, бывшего тогда у власти. Он заявил: «Я хочу заявить о своём удивлении тем шумом, который породил этот акт, на который мы имеем право в рамках свободы мнений и слова... Или вы хотите заставить нас молчать и не высказывать свою точку зрения... Речь шла о презентации книги историка Хиселы Сильвы Энсины о генерале Краснове, при этом она была четвертым изданием, то есть не было ничего нового»³⁴. Алькальд Лаббе возмущался, почему можно издавать многочисленные книги о пытках, убийствах, жертвах, и нельзя дать иной взгляд на эту историю.

Перед лицом конфликта памяти газета «El Mercurio» предложила уравнивать жертву и палача, разделить между ними общественную ответственность и «демократизировать» взаимную обиду, что означало полное непонимание исторического процесса. Тело убитого Виктора Хары и тела пропавших без вести свидетельствуют и призывают к гуманизации общества, преодолевая границы партийных проектов, которые они представляли. Мы должны заявить, что в отличие от того, что заявляет пресса, не мы, не чилийское общество убило Виктора Хару. Социальная память в странах Южного конуса не смогла стереть понятие об ответственности военных диктатур в убийствах и исчезновениях людей, хотя официальный нарратив предлагает новые формы забвения.

REFERENCES

- Blaustein E y Zubieta M. El Silencio de la Prensa Argentina. Ediciones Colihue, 1998.
Carvalho A & da Silva L. 31 de Marzo de 1964 em Brasil: Memórias deshilachadas. Las conmemoraciones: las disputas en las fechas "in-felices". (Elizabeth Jelín Compiladora) Madrid: Siglo XXI, 2003.

³⁴ *El Mostrador*, Labbé por homenaje a Krassnoff: “¿Cuál es la idea, silenciar al que piensa diferente, acallarlos por la fuerza?”, Santiago, 17 de Noviembre de 2011.

- De pueblo convocado a ciudadano adiestrado. Ciudadanía, subjetividad y des-subjetivación en la transición neoliberal // Jorge Benitez y Pedro Rosas (Compilador-autor) *La república inconclusa. Una nueva constitución para el bicentenario*, ed. Centro de Estudios Jurídicos e Institucionales, Asociación Latinoamericana de Juristas CEJI/Universidad ARCIS, 2009.
- Halbwachs, Maurice “Memoria individual y memoria colectiva” // Estudios N° 16, Centro de Estudios Avanzados Universidad Nacional de Córdoba, Argentina, 2005;
- Illanes María Angélica (2002), *La Batalla de la memoria*, Santiago, Ed. Planeta, 2002.
- Lavin J. *Chile: Revolución Silenciosa*, Zig Zag, 1988.
- Leiva S. “La represión que no importó. La violencia estatal contra los delinquentes comunes tras el golpe de estado de 1973 en Chile”, // *Problemas de la historia reciente del Cono Sur*, Vol I, Ernesto Bohoslavsky Et. Al. Universidad Nacional General Sarmiento-Prometeo Libros, Buenos Aires, 2010
- Nercesian I. “Organizaciones armadas y dictadura institucional”// *Fermentum*, Mérida, Venezuela, N° 46, 2006. P. 446-460.
- Portelli A. “Memoria e identidad. Una reflexión desde la Italia postfacista” // *Monumentos, memoriales y marcas territoriales*, E. Jelin y V. Langland (comps.) Siglo XXI ed. Argentina, 2003.
- Rosas Pedro “Los silencios de la transición. Resignificación del pasado y memoria social en la construcción de la historia (oficial) reciente”. // *Praxis Revista de Psicología y Ciencias Humanas*, N° 15 año 11, Universidad Diego Portales, 2009. P. 67
- Sennett R. *El declive del hombre público*, Ediciones Península, Barcelona, 1978.
- Rosas A. Pedro, *Rebeldía, subversión y prisión política. Crimen y castigo en la transición chilena. 1990-2004*, Santiago, Ed. Lom. 2004.
- Stern S. “De la memoria suelta a la memoria emblemática: Hacia el recordar y el olvidar como proceso histórico (Chile 1973-1998)” // Mario Garcés et.al. *Memoria para un nuevo siglo. Miradas a la segunda mitad del siglo XX*, Santiago, Lom ediciones, Universidad de Santiago, 2000. P. 11 – 33.
- Teitel R. “Genealogía de la Justicia Transicional”// *Harvard Human Rights Journal*, Vol. 16, Spring, Cambridge, 2003. P. 69 – 94.

Pedro Rosas Aravena, *д-р наук, Университет Сантьяго-де-Чили; prosarave@yahoo.es*

Human rights and a dictatorship complex scenarios of memory in Argentina, Brazil and Chile

At the end of the 80's and the beginning of the next decade, the rising democracies from the Southern Cone of Latin America, they seem to have overcome completely many of the problems inherited from the dictatorship. The new democracies were oriented towards issues of stability, the growing up and the linkage to the market. The role of the state was challenged and empowered by market as the sole regulator of life. A quick and political reconciliation cosmetic crushed the demands of justice and truth. Thereby erased the memory of repression and enforced disappearances in Argentine, Brazil and Chile. They were considered as things that belong to the past and it was necessary to forget. However, the social memories, far from being appeased or expired were fields of dispute what came to be called Battles Memories. The struggle was not for the truth about the recent past. His recovery was inseparable from the debate on the societies that were to be built. The agreed transitions with the dictatorship and their allies deployed devices and mechanisms to manage the social memory. An official sanitized version of history lived, which was faced with various opposing memories. Not only the victims but also the perpetrators.

Keywords: dictatorship, political transition, memory, forgetfulness, resignification.

Pedro Rosas Aravena, *Ph.D, Universidad de Santiago de Chile; prosarave@yahoo.es*